

***

— Послушай-ка, — с порога заявила Мартуся, вернувшись с деловых переговоров. — На твоей помойке под ивой валяется какая-то баба. Это ведь у тебя там помойка, да?

Я посмотрела на иву. Начинало темнеть.

— Теоретически — помойка, хотя с мусорщиками я пока не договорилась. А что?

— Я же говорю: там баба валяется.

— Ну и что?

— Может, сделать что-нибудь? Вдруг она пьяная?

Смысл ее слов до меня по-прежнему не доходил, очень уж я была сердита.

— И что дальше? Тебе ее жалко, что ли? Пусть себе протрезвеет в зеленых кущах. Никто ее там не задавит... Она вдоль валяется или поперек?

Мартуся рассеянно огляделась в прихожей, повесила сумку на вешалку, закинула на шкафчик стопку папок и сменила свои туфельки на мои шлепанцы.

— Скособочившись. Этак геометрически. Вообще-то на проезжую часть она не высовывается. Слушай, а тебя что, это вообще не трогает? В конце концов, твой же дом, твоя ива, твоя помойка!

— Ничего иве не делается. А вот насчет бабы...

Я задумалась. Не будь я так раздражена по самым разным причинам, повела бы себя как нормальный человек. Но злость во мне просто кипела, я ненавидела весь мир, бабу, даже собственную иву, которая, ей-богу, в жизни мне ничего плохого не сделала. Правда, один раз попыталась выколоть глаз, но в том я сама была виновата.

Мартуся неуверенно переминалась на пороге кухни.

— Может, сходить посмотреть на нее поближе? А то потом скажут, что у меня галлюцинации всякие. Если бы она лежала на моей помойке, я бы в окошко хоть выглянула.

— В окно помойку не видно. Ну ладно уж, пойду гляну. — И тут меня осенило: — Слушай, я ее сфотографирую! На всякий случай. Чтобы про меня тоже потом не говорили насчет галлюцинаций, к тому же хватит с меня чужих машин у моего забора. Где фотоаппарат?

Мы выскочили на улицу как были — в тапочках. К счастью, погода стояла сухая, а до помойки от калитки было метров десять. Фотоаппарат я настроила на ходу.

Действительно, у моего мусорного сарайчика лежала скорченная фигура, на первый взгляд — женщина. В черных брюках. И что это бабы так

упрямо носят портки? Ну ладно, взбесились они на почве эмансипации, к власти рвутся — так пусть себе властвуют на здоровье, но для этого нужна совсем не та часть тела, которую в штаны облачают, властвовать можно и в юбке... Рыжие патлы заслоняли лицо, из-под брюк торчали туфли на высоких шпильках. Да, тут не ошибешься — женщина. Патлы и портки еще ни о чем не говорят, но на этих каблучищах мужики не ходят. Слава богу, хоть на такое они еще не способны.

Я сделала два снимка, сверкнув вспышкой.

Потом с большой неохотой согласилась подумать, как быть дальше. Мартуся маялась у меня за спиной.

— Тебе не кажется, что она как-то не так выглядит? — встревоженно шипела она. — Вдруг ей плохо, мы с тобой тогда настоящими чудовищами окажемся. Причем нечеловеческими.

— Если она не криминальный элемент, ни к чему ей наше человеколюбие, — холодно парировала я. — Только преступников в нашей стране полагается жалеть, холить и лелеять. Я могу позвонить, если этот паршивый мобильник хоть с кем-нибудь меня соединит. Господи, тебе обязательно надо было вылезать из машины и наткаться на нее?!

— Необязательно, — с готовностью признала Мартуся. — Но она как-то случайно попалась мне на глаза, вот я из любопытства и подошла...

— Мало того что ива свисает, так баба еще и травкой прикрылась. Это полынь с лебедой, я сама их повыдергивала из этой песчаной горки. Видишь, это совсем не песок даже, а мой хваленый садовый чернозем.

— Так ты что, сама прикрыла?

— Кого? Чернозем?

— Да нет же, бабу эту.

— Ты считаешь, что она тут три недели валяется? Я сорняки полола три недели назад! Неужели не видно, что они совсем высохли!

— Я в сорняках не разбираюсь, — жалобно вздохнула Мартуся. — Но ты права, тетку они слегка прикрывают.

Мы еще немного постояли, вглядываясь в распростертую фигуру.

— Тадеуш сегодня приедет? — вдруг спросила Мартуся.

— Приедет, черт побери, но к вечеру. Он уже приезжал сегодня и уехал, я потому и злая. По второму разу подписывать всякую чушь! И Витек явится — в уши мне капать насчет сигнализации... Такую ерунду без меня сделать не могут!

— Но ведь платишь за это ты!

— Ну и заплачу! Ты что, видела когда-нибудь, чтобы я изо дня в день трескала черную икру, фазанов в малаге и устриц?

— Устрицы — трескала...

— Так ведь это не здесь, а во Франции! На берегу Атлантики! Там они дешевле картошки!

— Дешевле, дешевле, успокойся, — поспешно согласилась Мартуся. — А какое отношение...

— А такое, что я на жратву не трачусь! Ты у меня меха с бриллиантами видела?!

— Ну не знаю, если эта твоя куртка — меха...

— По институтам красоты я не бегаю, на одежду плевать хотела, драгоценности мне до лампочки, бутылка водки у меня по три года стоит непочатая, а шампанское с прошлого года лежит. Так на что мне деньги тратить...

— На пиво... — робко подсказала Мартуся.

— Ты что, сдурела? Сколько я того пива выпью? Три бочки, что ли? И где мне его хранить? Оно мне вообще вредно, без тебя я его почти в рот не беру. Ну хорошо, — смилостивилась я, — на вино трачусь. Дорогущее оно, конечно, но кабы я лакала в день по бутылке, ты давно бы ко мне на могилку ходила, потому как излишек вина тоже во вред. Они и впрямь считают, что я поскуплюсь на дурацкую сигнализацию?!

— А на что тебе, собственно, сигнализация? У тебя воров и поживиться почти нечем.

— Потому что воры — дураки, — мрачно объяснила я. — Думают, у меня тут полон дом сокровищ несметных. У нормального человека они наверняка и были бы. Зато у меня есть компьютер, а в нем все мое добро, воров оно ни к чему, а для меня — смысл жизни. На эту дурацкую zip-дискету я переписывать не умею, то есть умела, но забыла как, и терпения у меня на нее не хватает. Ну и машина моя, конечно... холера им в бок, далась им моя машина!

— Так и будем здесь и сейчас на эти темы...

Все это время мы стояли на утопанной дорожке, в двух метрах от лежащей на помойке фигуры, на чисто забыв, зачем сюда пришли.

Я опомнилась.

— Как думаешь, она жива? — подозрительно спросила я. — Куда звонить, в полицию или в «скорую»?

— Я проверять не буду, и не проси! — всполошилась Мартуся. — Хочешь — сама ее пощупай.

— Не хочу.

— Тогда звони туда, куда дозвонишься. Нам обязательно здесь стоять или можно звонить из дома?

— Телефон дома, — немного подумав, ответила я, — так что считай, с этим мы разобрались. Кстати, а ты со своими делами разобралась?..

В кухне наше шоу продолжилось. Мой мобильник ловил хоть что-то либо в ней, либо на терраске за домом, но на терраске нас наверняка караулили бездомные кошки, относившиеся к моим выходам на улицу как к появлению официанта с подносом. Сейчас мне было не до зверей, кормить их я собиралась позже, так что лучше уж звонить из кухни.

Мартуся, которая приехала в Варшаву из Кракова на пару дней, слегка оголодала от последних впечатлений и принялась шуровать по кастрюлям, навалила себе в тарелку бобов, сверху прилепнула куриную ногу. Она что-то там пискнула про салатик, но никакого салата у меня и в помине не было, так что я посоветовала ей ограничиться лимоном.

Ожесточенно долбя по кнопкам телефонной трубки, я наконец дозвонилась до полиции, вежливо представилась и забубнила:

— Простите, пожалуйста, что я вам вечно жизнь отравляю, но со «скорой» меня не соединяют, а у моего дома валяется чужая личность, пола, скорее всего, женского, в каком состоянии — не знаю, так что я рассчитываю, что вы прихватите и врача. Городских телефонов здесь нет, поэтому

поторопитесь, прошу вас. Номер моего мобильного есть, наверное, у всей варшавской полиции...

А Мартуся все это время тараторила как заведенная:

— Слушай, какие бобы шикарные, с ума сойти! Кстати, курица тоже роскошная! А знаешь, с лимоном в холодном виде — отличная идея... Можно мне пива? Так вот, слушай, это же настоящее чудо, мне самой не верится. Я оставила им сценарий, мы даже его обсуждали, договор подпишем на той неделе. Где этот чертов Тадеуш? Пусть проследит за всем, это и тебя касается, я у тебя побуду, если не помешаю...

Тут Мартуся прервалась, поскольку набила рот едой, так что, покончив с полицией, я смогла вклиниться в ее монолог:

— Я тебе всегда рада, особенно сейчас. Я договорюсь с ветеринаром, и мы хоть одну кошку изловим!

Мартуся чуть не подавилась.

— У тебя есть кошка?!

— Тринадцать, если быть точной, но две не в счет. Четырех я уже обработала... нет, даже пятирх... значит, остается восемь, причем с одной надо срочно разобраться. Нет, что я говорю, остается шесть. Хотя, может, и семь, потому как я их не могу

пересчитать, они все время меняются. Но эту паршивку надо непременно изловить.

Мартуся с трудом проглотила последний кусок курицы и вскочила с табуретки. Сидела она очень неудобно, боком, предпочитая почему-то есть у буфета, а не за кухонным столом, как нормальный человек.

— И что ты с этой одной паршивкой намерена сделать? — опасливо спросила она, ставя тарелку в мойку. — Приготовить?..

— Не суй ничего в раковину, у меня посудомоечная машина. Не готовить, конечно, а стерилизовать. А то на будущий год у меня здесь будет сто сорок восемь кошек, я высчитала. Котят я топить не стану, лучше уж сама утоплюсь. Значит, надо операцию, под наркозом, культурно.

— А что ж ты ее сама не поймашь?

— Потому что они мне доверяют, и я не могу их предать.

Кошками мы увлеклись настолько безоглядно, что о бабе на помойке забыли окончательно и бесповоротно, поэтому полиция застала нас врасплох. Откуда ни возьмись на пороге вдруг нарисовались трое полицейских, в том числе один мой знакомый, по-моему, комиссар. Я упорно не могу разобрататься с новыми их званиями, слишком привыкла

к сержантам, поручикам, капитанам и полковникам. К тому же сейчас полиция предпочитает щеголять в гражданском, что окончательно путает все карты. Но мне почему-то казалось, что этот в пиджаке — комиссар, мы уже с ним пару раз общались — из-за непонятого пристрастия угонщиков к моей машине. Словно других «тойот» на свете нет!

— Сейчас приедет бригада, — сказал он вместо приветствия. — Кто ее нашел? Кто-то из вас?

— Может, пройдем в гостиную? — предложила я. — Тут сесть негде, а я стоя беседовать не умею.

— Чего там находить, и находить нечего, достаточно было посмотреть, — поддержала меня Мартуся. — Лежит вроде как под ветками, но сверху.

— Ну хорошо, кто из вас увидел ее?

Мартуся честно призналась, что она. Мы устроились за столом, хотя комиссар предупредил, что пока это не официальные показания, протокол он напишет позже.

— Так когда вы ее увидели?

— Когда?.. Когда приехала, наверное. И ты сразу начала звонить.

— Не сразу, — поправила я. — Сначала мы вышли посмотреть, а потом я возилась с мобильником минут десять, не меньше. Получается...

Господи, какую чушь я несу, я же видела, как ты подъехала, часы у меня под носом, а я все время на них поглядывала, потому что тебя ждала. Когда ты подъехала, было ровно семнадцать сорок восемь, то есть семнадцать сорок две, у меня часы спешат на шесть минут. Значит, ты ее увидела в семнадцать сорок две с половиной.

— А почему с половиной? — изумилась Мартуся.

— Ты же не кинулась к ней сломя голову и истуканом в машине тоже не торчала, вела себя как обычно. Вылезла, заперла машину, подошла... Где-нибудь с полминуты это заняло.

Комиссар, должно быть, согласился, потому что покивал.

— Вы там что-нибудь трогали?

— Абсолютно ничего никто из нас не трогал, — решительно ответила я. — А что с ней? Больная, пьяная, мертвая?

— Мертвая.

— Господи Иисусе! — ужаснулась Мартуся. — И мы там стояли над телом и трепались... О чем мы трепались?

— Понятия не имею. А, нет, имею! Про сигнализацию. И о том, кто еще должен приехать...

— Боже милосердный! А если она как раз в это время умирала? Ну и свиньи же мы!

Я слегка рассердилась.

— Не пугай меня! Не могла она умереть как раз в ту минуту на наших глазах! Она неподвижно лежала, даже не дрогнула!

Комиссар сжалился над нами.

— Она раньше умерла. Врачи потом точно устаноят, но, скорее всего, с час назад, а то и больше. А когда она там появилась, вы не знаете?

— Нет, — мрачно ответила я.

— Когда я уезжала, ее там еще не было, — уверенно сказала Мартуся. — Я оглядывалась по сторонам, искала, как бы ловчее развернуться.

— Когда это было?

— В одиннадцать двадцать, — ответила я. — Тебе было назначено на двенадцать, и я еще говорила, что ты рановато отправилась.

— Я и приехала раньше, оказалось, правильно сделала.

— А вы эту женщину не видели? — обратился ко мне комиссар.

— Я не выходила за калитку, а из дома не видно — ива заслоняет. Я вообще все время сидела за компьютером и только время от времени возилась в кухне. Нет, подождите! Тут всякие разные личности вертелись! Я из кухни видела, как ходил какой-то тип, должно быть, разносил рекламу, и у меня